Запретное место

Автор:
Сюзанна Янссон

Запретное место

Сюзанна Янссон

Триллер по-скандинавски

Посреди заброшенных шведских болот расположена деревня Моссмаркен, куда с давних времен приходили люди, чтобы оставить подношения богам. Деревня таит страшные тайны, ведь на протяжении многих лет местные жители пропадали на зловещих болотах Моссмаркена. Их находили через несколько лет с мешочком монет в кармане. Молодой биолог Натали Стрем ради исследований для своей диссертации возвращается в некогда родное место, откуда она уехала после ужасной семейной трагедии. Там она знакомится с Юханнесом, студентом местного колледжа. Однажды ночью, после бури, в болоте она находит своего нового друга без сознания, а в его кармане – россыпь золотых монет, рядом – свежая могила. Эта находка дает пугающий повод начать исследование прошлого – как для полиции, так и для Натали. Болото жаждет новых жертв, как утверждают местные жители? Или ужасное зло, которое таится в этой маленькой деревушке, имеет человеческую природу?

Сюзанна Янссон

Запретное место

Susanne Jansson

OFFERMOSSEN

© Susanne Jansson, 2017

© Констанда О., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Говорят, на одного живого ходит десять мертвецов. Тяжесть мертвых давит.

Йоран Дальберг, из книги «Общение с духами»

То, чего нет, Заползает повсюду, Все заполняя собой.

Анн Йедерлунд[1 - Анн Йедерлунд (род. 1955) – шведская поэтесса и драматург (прим. ред.).], из сборника «Вновь глубокая любовь»

Посвящается Альме и Эдварду

Было бы неверным утверждать, что никто ничего не заметил. Естественно, найдется немало свидетелей, которые той ночью слышали выстрелы и видели фигуру, выбежавшую из дома и скрывшуюся в направлении поджидающего автомобиля.

Возможно, свидетели тут же вернулись к своим делам или остались следить за продолжением: как подъехала полиция, как выносили тела. Но они молчали. Лазали по кустам, отдыхали на деревьях или парили над землей. Эти существа были частью природы, часто не видимой людьми. Возможно, все они были животными: большими или маленькими, быстрыми или медленными, зоркими или полуслепыми.

Так или иначе, правда о событиях, произошедших в доме, вскоре покрылась мраком и растворилась вовсе.

Как и многое другое.

Пролог

Ближе к вечеру задул ветер. Сначала слегка зашелестел в кронах деревьев, затем усилился. Наконец, привел в движение все вокруг. До наступления темноты оставалось не более получаса.

На парковке возле усадьбы Юханнес слез с велосипеда и прислонил его к фонарному столбу. Собрал свои темные волосы в пучок на затылке. Погода просто ужасная. Ни один нормальный человек не выйдет на улицу в такое ненастье.

Ну, значит, он ненормальный.

Пристегивая велосипед, Юханнес бросил взгляд на домик Натали. В одном из окон мелькали отсветы керосиновой лампы. Он увидел силуэт Натали, тень скользила по стене, медленная и неуловимая. Как она сама. Недавно она согласилась остаться у него на ночь. Но проснувшись утром, он обнаружил, что ее уже нет. Постель была пуста. Конечно, она говорила, что ей рано вставать на следующий день, однако он почувствовал разочарование. Они провели чудесный вечер – и вот так уйти, не сказав ни слова, даже не оставив записки. «Виной всему, вероятно, опять боязнь близости, – думал он, разминаясь. – Она чувствует себя такой уязвимой, поэтому держит дистанцию. Вполне логичное объяснение, если не углубляться в психологию». Дождь усилился, бегать совсем расхотелось. Он понимал, что одет не по погоде, но, с другой стороны, так оно обычно и бывало. Юханнес был не из тех, кто прислушивается к прогнозам, – возможно, из духа противоречия, ведь его мать, напротив, считала, что изменение температуры на один градус – уже повод что-нибудь надеть или снять, а для каждого случая предназначается отдельный гардероб. Все его детство было ознаменовано постоянными переодеваниями, чтобы ни одна капля дождя, ни одно дуновение ветра не проникло сквозь многочисленные слои. Уже во взрослом возрасте он ощущал внезапный восторг, когда порой промокал или замерзал. Юханнес побежал вниз по тропинке, потом свернул налево. Подальше от дома Натали. С одной стороны тянулся лес, с другой простирались заболоченные земли, те места, которые он полюбил: растянувшаяся на

километры пустота, низкая серая растительность, кажущаяся еще более живучей и удивительной под дождем и ветром.

Он вспомнил, как смотрелся иней на торфяном мху прошлой зимой. В этом было что-то неземное, такое хрупкое и чарующее. Он в жизни не видел ничего подобного.

Один раз откуда-то вышел лось, протрусил по зеркальной глади. Гулкий стук копыт напоминал печальный колокольный звон. А сейчас Юханнес слышал лишь монотонный звук собственных шагов, похожих на громкие удары, словно он пробивал себе дорогу, упорно и методично.

Постепенно извилистая дорожка превратилась в прямую длинную тропинку, ведущую к старому торфяному болоту. То и дело рядом мелькала гравиевая дорога, и вскоре Юханнес смог различить парковку у самого торфяника. На парковке пусто. Здесь вообще редко кого можно было встретить, а уж сегодня вечером, с этим застилающим глаза дождем, все выглядело совсем пустынно. Местами в болото уходили деревянные мостки. Он подумал было сократить путь, но доски выглядели скользкими. Рискованно. Достаточно потерять равновесие…

– Ай!

Юханнес умудрился оступиться, хотя бегал здесь столько раз, что знал каждую кочку наизусть. Боль пронзила ногу, потом на секунду отступила, чтобы обрушиться с новой силой.

Черт возьми!

Он попытался сделать несколько прыжков на одной ноге и схватиться за что-нибудь, но рухнул на тропинку.

Болело ужасно. Ветер с дождем трепал одежду. Он попытался подняться, но на ногу действительно невозможно было ступить.

Юханнес подождал еще немного в надежде, что боль утихнет, одновременно проклиная себя за то, что оставил мобильник дома. Как теперь добираться до усадьбы на одной ноге?

Вдоль тропинки росло довольно много кустов, и Юханнесу пришла в голову идея отломать несколько прочных веток и соорудить из них временные костыли. Мысль сама по себе хорошая, но вскоре пришлось ее оставить – ветки попадались слишком тонкие.

Преодолев несколько метров, наполовину ползком, наполовину прыгая, Юханнес взглянул на болото. И тут его поразила одна вещь. Дождь прекратился, ветер стих. И наступила полная тишина.

Удивительно.

За облаками на темном небе плыла луна. Она освещала клочья тумана, окутывавшего влажную землю.

Юханнесу послышался какой-то звук. Ветер? Или животное? Похоже на стоны. Или на приглушенные крики.

Чуть дальше на тропинке появился свет.

Фонарик. Там кто-то шел!

– Эй! – закричал Юханнес.

Никакого ответа.

– Мне нужна помощь, – продолжал он. – Я тут немного повредил ногу.

Свет все приближался, становясь ослепительно-ярким, так что Юханнесу пришлось приложить руку козырьком ко лбу.

– Эй!

Фонарик направили в другую сторону, в глазах прояснилось.

«Что происходит?» – успел он подумать.

Затем наступила темнота.

Часть 1

Тремя неделями ранее

1

Тук, тук, тук.

Натали проснулась. Надавила пальцами на виски, чтобы стук в голове прекратился.

Тук, тук, тук.

Тук, тук, тук.

Взглянув на будильник, Натали убедилась в том, что до подъема еще два часа. Иными словами, все как обычно. Можно даже не пытаться снова уснуть.

Такие попытки всегда оказывались безуспешными.

Она села на краю кровати и начала думать о том, что еще осталось сделать. Ничего. В квартире порядок, большая часть ее вещей убрана. Сумки, которые еще не были погружены в машину, стояли в прихожей. Все готово.

Она приняла душ, приготовила завтрак на скорую руку, поела, стараясь оставлять как можно меньше следов после себя. Написала записку человеку, который должен был жить в квартире во время ее отсутствия. Положила записку на стол.

Я оставила кое-что в холодильнике, может быть, вам пригодится. Номер счета, куда перечислять арендную плату, я вам вчера отправила на электронную почту. Надеюсь, вам у меня понравится.

Всего доброго,

Натали

На улице было по-воскресному пусто и тихо. Уложив последние сумки в багажник, она села за руль и поехала.

Натали выехала на сорок пятую дорогу по направлению к северу и покинула Гетеборг, прежде чем город успел проснуться. Словно убегая после нелепой случайной связи.

Через некоторое время Натали остановилась у бензоколонки, чтобы заправить бак, выпить кофе и докупить кое-какие товары, необходимые в первые дни. Затем продолжила путь. Вскоре ландшафт изменился. Местность казалась более глубокой и темной.

Подумать только, до далекого прошлого всего пара часов езды. До этого края озер и лесов. До той земли, которая по-настоящему была ее домом.

Она всегда ощущала себя чужой в большом городе у моря. У этого легкомысленного, переменчивого, ненадежного моря. Натали не вписывалась в общество людей, которым вечно надо было выходить под парусом, которым нравились голые скалы и дальние горизонты, которые боготворили солнце и мечтали о том, чтобы оно светило как можно ярче и жарче. Эти люди как будто ждали от нее того же внутреннего восторга, которого она никогда не испытывала, но который она постепенно научилась изображать.

Каждое лето, стоило ей лишь ступить на горячий гранит Бохуслена и зайти в воду, как создавалось ощущение, будто море чисто инстинктивно выплевывает ее обратно. Словно зная, что она – инородное тело.

Теперь в окно стучал сентябрьский дождь, тихо и неуверенно. Осень подбиралась осторожно, чтобы никого не спугнуть и не потревожить.

«Приходи, – думала Натали. – Просто приходи.

Просто наступай.

Сделаем это вместе».

Натали проехала съезды на Омоль и свернула на Фенгерскуг. Ее вдруг охватило чувство нереальности, резкое и сильное. Что она, собственно, собирается сделать? И каковы будут последствия? Но тут же пришло осознание того, что она уже почти на месте и обратной дороги нет.

Натали сбросила скорость. Вот художественная школа, вот здания бывшего завода, где теперь, как ей было известно, располагались ателье, галереи и мастерские. На углу, где раньше стоял лишь маленький продуктовый магазинчик, теперь открылась булочная и кафе, там сидели люди неопределенного возраста с тряпочными сумками через плечо и пили свой латте или чай из высоких стаканов. На этом постройки заканчивались и начинался лес, и вскоре дорога уходила вправо и постепенно превращалась в березовую аллею, ведущую к поместью.

На широкой гравиевой дорожке стояло несколько автомобилей. Натали вышла из машины, оставив сумки в багажнике, и направилась ко входу. Это было красивое здание с четырьмя башенками, белым отштукатуренным фасадом, зеленой железной крышей и большими видовыми окнами. Располагалось оно, как это часто бывает с хуторами, на возвышении. Обычно из таких замков открывается живописный вид, например на озеро или холмы.

Однако это поместье отличалось от других. Оно выходило на невзрачную равнину с редкими мелкими соснами и покрытые туманом низины. Казалось, солнце никогда не проникало сюда, поэтому земля оставалась неизменно влажной.

И вот сюда она вернулась совершенно добровольно.

– Это вы хотите снять гостевой домик?

Женщина, представившаяся Агнетой, была управляющей усадьбой. На ней было бежевое платье с вышивкой, фасоном напоминающее кафтан. В таком наряде высокая женщина выглядела, как наряженный столб. Русые волосы до плеч, густая челка.

– Да, все верно.

Ее муж стоял чуть поодаль. На голову ниже жены, одет в темный костюм. Неуверенный взгляд блуждает по комнате.

«Густав, – подумала Натали. – Как телохранитель. Именно такими я их и помню».

– Добро пожаловать в усадьбу Моссмаркен. Надеюсь, вы понимаете, что арендуете очень простой домик. Им пользуются в основном в летние месяцы.

– Конечно, без проблем. Но ведь отопление есть?

– Два камина и газовый холодильник. Но на этом все. Воду придется носить в канистрах из нашего подвала, а заряжать компьютер и мобильный можно у нас в офисе. Душ и туалет находятся в коридоре на втором этаже. Но за вашим домиком есть также деревянный сортир. Что еще?.. – она задумалась. – Ах да, велосипед. Здесь есть старый велосипед, которым вы можете пользоваться. А вы, кстати, откуда?

– Я живу в Гетеборге.

На стенах в фойе висели старые портреты элегантных дам в пышных платьях и подтянутых джентльменов в военной форме. Когда Натали была ребенком, эти картины завораживали ее, особенно одна. На ней была изображена София Хансдоттер, супруга хозяина поместья, жившая здесь в конце девятнадцатого века. В памяти Натали остались темно-зеленое платье Софии и ее печальный взгляд.

Рассказывали, что она потеряла семерых из восьми своих детей. Что она была сумасшедшей. Душила новорожденных и просила мужа похоронить их в болотах недалеко от усадьбы. Супруг исполнял ее волю, дабы не подвергать ее

истерзанное сердце еще большим мукам. Вплоть до того самого дня, когда родился восьмой ребенок и мужчину вдруг осенила догадка относительно того, что произошло с предыдущими детьми. Тогда он решил отнять новорожденного мальчика у матери. Поговаривали, что после этого София отправилась на то место, где были похоронены ее дети, шагнула прямо в болото и исчезла.

Никто ничего не сделал, чтобы спасти ее.

Восьмой ребенок вырос и превратился в здорового крепкого мужчину. Он и унаследовал поместье. А нынешний владелец Густав приходился ему правнуком.

– Мы с Густавом содержим здесь пансионат уже больше тридцати пяти лет, а раньше этим занимались его родители, – продолжала Агнета. Было видно, что ей уже не раз доводилось рассказывать историю усадьбы. – Это поместье принадлежит семье Густава аж с семнадцатого века. Посмотрите, тут везде висят портреты его предков. – Она сделала неопределенный жест рукой.

В ту же минуту со второго этажа спустилась женщина.

– Это Елена, она заведует тут всем хозяйством. Между прочим, ее копченый сиг – лучший на нашем берегу озера Венерн. Если вам как-нибудь захочется поужинать с нами.

Елена, бледная и худенькая, казалась полной противоположностью хрестоматийной дородной хозяюшки.

– А вот и Алекс, наш мастер на все руки, – воскликнула Агнета, когда в комнату вошел высокий мускулистый мужчина. – Если что-нибудь надо будет починить, обращайтесь к нему.

Алекс остановился, подняв глаза к потолку, и коротко кивнул. Затем скрылся в глубине помещения.

– Если у вас возникнут вопросы, можете обращаться к нам с Густавом по будням с девяти до четырех. Чаще всего мы сидим в офисе, это соседняя комната. Если нас там нет, значит, мы стоим на какой-нибудь стремянке и красим сарай, или чиним трактор, или еще что-то в этом роде. А так нас можно найти в восточном

флигеле, где мы живем. Обращайтесь в любое время, не стесняйтесь. – Помолчав, она продолжала: – Ну вот, самое главное я сказала. Сейчас здесь, так сказать, не сезон, почти ничего не происходит. А вы тут, извините за нескромный вопрос, по какой-то определенной причине?

– Да, я работаю над диссертацией. Речь идет о влиянии глобального потепления на процесс расщепления в условиях влажной почвы. Я биолог.

– Понятно, – улыбнулась Агнета и кивнула в сторону окна. – Значит, вы приехали ради болота. Интересно.

– Да, мне необходимо поставить кое-какие опыты.

– На самом деле наше болото считается особенным, – заметила Агнета. – Раньше его называли жертвенным болотом.

– Да.

– Наверное, вы об этом слышали? Говорят, что начиная с железного века тут хоронили жертвы богам. В том числе и людей, кстати. У нас в конторе даже брошюры об этом есть. На рубеже веков здесь нашли как раз такой труп. Четвертый век до нашей эры. Теперь он в культурно-историческом музее Карлстада.

Натали кивнула:

– Да, я слышала…

– Брусничная девушка, – сказала Агнета.

– Понятно, – ответила Натали.

– Так ее назвали, эту девочку, которую нашли. Кстати, о болоте. Советую вам быть очень осторожной. Там полно опасных топких мест. А в это время года еще и скользко. Но вы, конечно, все сами знаете.

Домик состоял из одной комнаты и кухни. На кухне помещалась мойка без крана, большая дровяная печь, стол, угловой диванчик и два стула. Комната была обставлена так же просто: кровать на ножках, платяной шкаф, письменный стол, а еще два старых кресла и маленький журнальный столик перед камином.

Осенний холод проникал сквозь толстые бревенчатые стены. В помещении было сыро, но затхлого запаха не чувствовалось. В углу стояло массивное зеркало, прислоненное к стене. Натали села на пол по-турецки и принялась рассматривать свое лицо. Она не уставала удивляться тому, насколько бодрее она выглядела, нежели чувствовала себя на самом деле. Волосы соломенного цвета, которые она стригла раз в год, по-прежнему сохраняли ту форму прически, которую восемь лет назад предложил стилист перед модельными съемками. Просто мягкое каре, не требующее особой укладки.

Когда ей было восемнадцать, ее заметили у входа в кинотеатр и предложили модельный контракт, хотя она была недостаточно высокой. Видимо, ей следовало чувствовать себя безгранично благодарной за эту милость.

Она только что окончила гимназию и надеялась на легкий заработок, однако не выдержала стресса. Ее раздражал резкий запах лака для волос, постоянное скольжение кисточек с пудрой по лицу и советы перед камерой, точнее, довольно грубые требования изобразить что-то особенное – Натали так и не поняла что. Ее хватило на два месяца.

Прическа была единственным ценным приобретением той поры, что осталась как бы за скобками жизни. Новая прическа преобразила ее внешность, что было удобно с практической точки зрения: окружающие были довольны тем, что видели на поверхности, и не лезли в душу.

В прихожей стояли две канистры с водой и корзина дров. Первым делом Натали растопила кухонную печь и камин, затем разобрала продукты и положила одежду в шкаф. Наконец, развернула большую карту местности, повесила ее на стену над письменным столом и натянула на себя теплый свитер и тапочки.

Походила по дому, огляделась. Огонь потрескивал в печи, но от нее шло столько дыма, что Натали пришлось открыть окно.

Через некоторое время все пришло в норму. Тогда Натали разогрела готовые равиоли, купленные на заправке, и приготовила бутерброд с плавленым сыром из тюбика.

За домом рос небольшой сад, окруженный кустами дикого шиповника. А перед домом стояло два старых деревянных стула. Чуть поодаль начиналась тропинка, огибающая болото.

Натали надела куртку, осторожно присела на один из стульев и осмотрелась. Было такое ощущение, будто ничего не изменилось, все оставалось как прежде не только в последние пятнадцать лет, но и на протяжении столетий, с незапамятных времен. Узловатые серые сосны. Блестящие озерца между зеленых влажных кочек. Уютная уединенность в приглушенных тонах, мерцающая пушица на фоне тонкого терракотового ствола.

Песня кроншнепа, напоминающая звуки флейты, еще звенела в осеннем воздухе, хотя птица уже покинула здешние края до весны. Натали отчетливо представляла себе эти ликующие трели, хотя ей давно уже не доводилось их слушать. А она так любила этих перелетных птиц до того, как все изменилось, до того, как это пение превратилось в ее памяти в дразнящий, язвительный смех, в зловещую руладу о грядущем.

Размышляя о том, во что она ввязывалась, Натали чувствовала в себе храбрость, граничащую с безумством. Словно ее вынудили переступить некую черту безо всякой предварительной подготовки.

На западной стороне стояли электрические столбы, возвышающиеся над кронами деревьев. Те же столбы, что виднелись из окон ее старой спальни. Те столбы, что были ее главным ориентиром и спасением всякий раз, когда ей доводилось заблудиться. Непостижимая мысль: если идти вдоль электрических столбов, обязательно придешь к тому месту, где все началось и закончилось.

2

На следующее утро Натали проснулась, когда за окном было совсем черно. Темнота была одной из немногих примет осени, которые ей не нравились. Темно по утрам, темно по вечерам, с каждым днем все меньше солнечного света. В этом отношении летом было гораздо лучше – около четырех утра, когда она обычно просыпалась от стука в голове, день уже вступал в свои права. Благодаря свету легче было стряхнуть с себя тяжесть пробуждения и это невыразимое, сопровождаемое судорожными попытками сообразить, в чем его причина, ощущение, будто что-то не так. Осенняя темень оказывала обратное влияние, сгущая и без того мрачные краски.

Натали зажгла керосинку у кровати и подошла к камину. Он был все еще теплый. Натали обняла его, как большого друга, по которому соскучилась, и долго стояла с закрытыми глазами, прижимаясь к камину щекой, бедрами и ладонями. В голове промелькнуло слово молитва. Наверное, именно так оно и ощущается?

Вдруг у самого окна раздался громкий скребущий звук.

Что это?

Натали медленно подошла к окну и выглянула. Сороки?

Ничего не видно. Ничего, кроме уличных фонарей у хозяйского дома – двух маленьких шаров, качающихся на ветру.

Когда на улице было настолько темно, Натали чувствовала себя совершенно беззащитной в свете керосиновой лампы. Штор у нее не было. Но в верхних углах окна она обнаружила два вбитых гвоздя. Натали связала вместе два толстых свитера и попыталась повесить их на окно так, чтобы хотя бы закрыть кровать. Получилось ужасно. Надо не забыть поискать покрывало или простыню. И для других окон тоже.

Натали достала из чемодана вчерашнюю газету и снова забралась под одеяло. Начала было читать статью о развитии энергетики, но не могла сосредоточиться. Окна – как глазницы. Темнота смотрит прямо в душу.

Вот черт! Ну и как здесь жить?

Она не думала, что будет ощущать себя такой уязвимой. Это в ее планы не входило. Нет, надо гнать от себя дурные мысли. Сейчас для нее главное – работа и та трудно формулируемая тайная задача, которая, как она догадывалась, касалась в первую очередь ее самой.

Никто, кроме ее научного руководителя, не знал, что она здесь, в Моссмаркене. Но тот тоже был в отъезде.

Самой Натали нравилась мысль о том, что можно так вот взять и уехать. Исчезнуть из своего привычного окружения – это глоток абсолютной свободы, своего рода очищение.

Четырнадцать лет назад Натали покинула эти места, не сказав никому ни слова. Нынешнее возвращение было подобно зеркальному отражению. Натали должна была пройти вдоль размотанной нити весь путь назад, распутав по дороге узлы, и начать все сначала.

Большинство ее друзей вряд ли заметят, что Натали уехала из Гетеборга. Все они были учеными, как и она сама, и жизнь разбросала их по всему земному шару.

Единственными людьми, которые могли бы ее хватиться, были ее приемные родители.

В последние несколько лет у Натали не было сил поддерживать с ними контакт, и чем реже они встречались, тем жестче становились упреки, особенно со стороны приемной мамы, Харриет.

«И это твоя благодарность за все, что мы для тебя сделали?» – спросила она Натали, когда у них в последний раз состоялось некое подобие разговора. Они тогда зашли с букетом цветов поздравить Натали с днем рождения, и Харриет не смогла скрыть своих чувств. Ее круглое лицо покраснело, к глазам подступили слезы.

Приемный отец Натали, Ларс, сидел на стуле, не снимая верхней одежды. Глядя в пол, он непрерывно подергивал себя за усы.

Наконец, Ларс произнес: «Пойдем, оставим все как есть. Ты же видишь – ей все равно».

Такое циничное отношение даже заставило Натали ощутить некую солидарность с Ларсом. Но в остальном она ничего не чувствовала. Совсем ничего. И Харриет поняла это. Перед тем как уйти, она, прищурившись, долго смотрела на дочь, безо всякого сочувствия. А затем произнесла надломленным голосом: «Ты просто ужасна, ты знаешь об этом? Я всегда думала, что твое жуткое поведение связано с тем, что тебе пришлось пережить. А вот теперь не уверена. Может быть, ты такая и есть: неглубокая, бесчувственная и неблагодарная».

Затянув потуже пояс от халата, Натали уселась прямо посередине комнаты, словно желая взять ситуацию в свои руки и бросить вызов ощущению отверженности. Перед ней высилась гора бумаг – результаты измерений и экспериментов, которые до этого проводились в Германии, Голландии, Польше и Дании.

«Тишина», – подумала она и огляделась. В домике было так тихо. И эта тишина казалась такой требовательной. Может быть, надо просто привыкнуть.

Натали попыталась вслушаться в те звуки, которые все-таки можно было различить: полудохлая муха, допевающая свою песню на кухонном окне, потрескивание дров в камине, глухое карканье вороны где-то поблизости. Натали попробовала переключиться на запахи. Это оказалось сложнее: горящая древесина, мыло, копоть.

Она развернула диаграмму фракций азота и начала думать над отличиями. Почему, например, в Германии показатели выше, чем в Польше? Может, это связано со временем года? Или со свойствами окружающей среды? Или причина в глобальном потеплении?

Те из ее коллег, кто работал с похожими вопросами, в основном проводили исследования за полярным кругом, на огромных территориях, покрытых вечной мерзлотой. Теперь, когда из-за глобального потепления все эти районы начали потихоньку оттаивать, в почве запустились процессы, приводящие к еще большему выбросу парниковых газов в атмосферу. Вопрос был в том, насколько увеличился парниковый эффект и как это повлияло на потепление в целом.

Раньше Натали была членом скандинавской команды ученых, исследовавших это же явление в шведских горах. Но как только представилась возможность сузить сферу и сосредоточиться на скандинавских и центральноевропейских заболоченных районах, она тут же воспользовалась своим шансом.

Ее работа должна была, несомненно, стать значительным вкладом в климатологию, имеющую непосредственное влияние на принятие политических решений. И только когда поездка в Моссмаркен была утверждена и спланирована до мельчайших деталей, до Натали начало доходить, что едет она туда не только из профессионального интереса. Есть еще личные мотивы, и выбор ее обусловлен совсем не теми причинами, о которых она сначала думала.

Каким бы очевидным это ни представлялось впоследствии, поначалу такой вывод поразил ее. Прижал к стене, чтобы на этот раз ей было не отвертеться. И хотя она пока не сильно углубилась в свое «я», но по крайней мере уже не бежала от себя.

Она приехала сюда, в эти забытые богом болота где-то на границе провинций Дальсланд и Вермланд.

И это самое главное.

3

Натали выходила из домика, только чтобы принять душ, набрать воды или зарядить компьютер и мобильник. Ей необходимо было сродниться с домом, найти точку опоры, прежде чем всерьез отправиться в болота. Она отметила на карте предварительные места забора проб. Натали собиралась в течение двух дней взять пробы на двенадцати различных участках болота, чтобы получить максимально достоверные результаты. А потом проделать то же самое в ноябре, когда земля промерзнет. За первые дни Натали и двух слов никому не сказала. Но каждый вечер, примерно в одно и то же время, она видела в окно, как мужчина ее возраста совершал пробежку по тропинке мимо ее домика. Всякий раз он с любопытством косился на ее окна. Один раз он пробегал мимо, как раз когда она выходила из деревянного туалета. Мужчина остановился на минуту

передохнуть. Сначала они сделали вид, что не замечают друг друга. Потом он едва заметно кивнул ей.

– Привет, – произнес он, все еще переводя дыхание. – Значит, это вы здесь живете?

Натали вдруг почувствовала себя загнанной в угол. Она рассчитывала, что здесь не придется ни с кем общаться, и с нетерпением ждала этого времени, когда можно будет полностью исключить контакты с непрошеными людьми.

– Да, можно и так сказать, – ответила она. – Временно, я просто снимаю домик.

Натали повернулась и направилась к дому.

– Красивое место. Меня зовут Юханнес, – произнес мужчина и поднял руку в знак приветствия. – А я могу… попросить у вас стакан воды? Забыл дома бутылку. Ужасно пить хочется.

– Конечно.

Натали зашла в дом, налила воды в стакан и принесла Юханнесу.

– Спасибо, – сказал он, быстро осушил стакан и протянул его Натали. Вытер пот с лица подолом футболки, выпрямился и провел рукой по блестящим волосам.

«Черные, как вороново крыло, – пронеслось у Натали в голове. – Какие красивые».

– Хорошо здесь бегать? – спросила она, просто чтобы что-то сказать.

– Не то слово – просто фантастика. Это место… – он покачал головой, словно не находя слов. – Я учусь в Школе искусств в Фенгерскуге, и никто из тех, с кем я говорил, никогда здесь не был. Невероятно, такая красота. Но я только рад, – продолжал он с улыбкой. – Так приятно побыть тут одному.

Он кивнул в сторону Натали.

– А вы здесь чем занимаетесь?

Натали колебалась. Слова будто застряли в горле и не хотели выходить наружу, желали спрятаться и оказаться в состоянии покоя. Они устали постоянно служить ей, поддерживать нескончаемую игру. Но в то же время что-то в нем привлекало ее.

К тому же нельзя было не признать, что вблизи кожа его оказалась гипнотически нежного, оливкового оттенка. Она бы с удовольствием рассмотрела ее украдкой. Интересно, какие гены и жирные кислоты так выгодно окрашивали кожные покровы?

– Я замеряю выброс парниковых газов на болотах, – ответила Натали и заправила прядь волос за ухо. – Среди прочего. То есть буду замерять. Я еще не начала.

– Парниковые газы? Это для какого-то предприятия?

– Нет… Я пишу диссертацию. По биологии.

– Ничего себе! Интересно. – В его взгляде появилось что-то резкое. – Было бы здорово узнать об этом поподробнее, – произнес он. Помолчал немного, прощупывая обстановку, а потом продолжил: – Ну, не буду мешать. Еще увидимся, я здесь почти каждый вечер бегаю.

Он снова поднял руку, на этот раз на прощание, и направился в сторону парковки.

Пока Юханнес удалялся, Натали рассматривала его мускулистые ноги. «Длинные и гибкие, – думала она. – Выносливые».

В последующие дни Натали старалась не выходить из дому в те часы, когда Юханнес совершал свои пробежки. Она посматривала на него из окна, не подходя близко.

В один прекрасный вечер Натали поддалась порыву и приготовила целый термос чая, а потом села перед домом с кружкой как раз в то время, когда он пробегал

мимо.

– Не хотите чаю? – крикнула она.

Юханнес остановился, провел ладонью по щеке и удивленно поднял брови. Натали не могла определить: то ли он просто удивлен, то ли считает ее предложение весьма странным. Она тут же пожалела о том, что проявила инициативу. Однако Юханнес ответил: «С большим удовольствием» и подошел к ней. Натали ощутила радостное волнение. Она принесла молоко, сахар и вторую кружку и поставила все это на маленький столик.

Юханнес сел на стул. Движения его были спокойные и мягкие, точно выверенные. «Полная открытость, никаких тайн, – пронеслось у нее в голове, и тут же отозвалось холодком в груди: – Как я, только наоборот».

Юханнес положил в чай несколько ложек сахара. Заметив ее скептическую улыбку, он рассмеялся.

– Я знаю. Мой отец был марокканцем, потребность в сладком у меня в крови.

Вечернее солнце быстро опускалось.

– Интересно здесь учиться? – спросила она.

– Вполне. Хорошие преподаватели. Приятные однокурсники. Все тихо-спокойно, так что можно многое успеть.

– Неужели не бывает одиноко? Надоедает же все время только заниматься.

– Разве что чуть-чуть. Но если хочешь общаться – пожалуйста. И концерты, и вечеринки, все это есть. – Он повернулся к Натали, как бы переводя фокус на нее. – Расскажи лучше ты. Как ты планируешь организовать работу? Вот ты говоришь, что замеряешь парниковые газы. Как это делается?

Она рассказала о пробах, которые собиралась взять в выходные. Юханнес слушал с большим интересом.

– А тебе компания не нужна? – спросил он. – Все это так увлекательно звучит. Я бы с удовольствием посмотрел. Могу помогать или носить что-нибудь… Как скажешь.

Наступило молчание.

Внутри у Натали все перевернулось: тонкий соблазн переплетался в душе с тупым и грубым ощущением опасности. И над всем этим мысль о том, что еще одни руки в работе не помешали бы.

– Тебе правда интересно? – Она смотрела в одну точку прямо перед собой. – Ну, почему бы и нет. Мне будет намного легче.

«Сначала надо выбраться в болота одной, без Юханнеса, – думала она. – Необходимо встретиться с болотом один на один. К тому же надо подготовить измерительные станции». Для этого ей придется воткнуть в землю отпиленные фановые трубы в двенадцати местах. Потом прикрутить к ним крышки с маленькими резиновыми пробками, в которые можно будет воткнуть иглы для забора газа.

В то утро она проснулась необычно поздно. Стук в голове был не таким сильным, как раньше. Зато нарастало беспокойство, наполняя собой все тело, разливаясь из грудной клетки к голове и обратно к животу. Она ощущала себя наркоманом во время ломки. Ее наркотиком было отрицание и вытеснение действительности. «Зачем тебе это надо? – спрашивал черт, сидящий на правом плече. – Что ты тут забыла? Возвращайся домой». Никакого ангела на левом плече не было, просто пустота. Стертое пятно. «Я», – подумала Натали вслух и почувствовала, как глаза обожгли слезы.

Она неспешно позавтракала. Приоткрыла дверь, чтобы ощутить дыхание прекрасной осенней погоды, несколько раз прошлась между комнатой и кухней. Составила список того, что нужно не забыть при замерах.

Тропинка, ведущая к болотам, шла прямо от ее домика. Просто вставай и иди. Ничего сложного. По крайней мере, не должно быть.

В конце концов так она и сделала, не думая, – так обычно заходят в холодную воду. Просто потому, что это правильно, потому что знаешь, что потом тебе будет хорошо.

Ее ноги на тропинке. Ее тело на этой земле, снова. Время между сейчас и тогда, спрессованное до толщины крылышка мотылька, уничтоженное взмахом крыльев.

Натали шла по тропинке. Потом свернула к болоту в том месте, где были сколочены пять потертых досок. Похоже, с ними никто ничего особо не делал, хотя, может быть, немного подправили.

Все-таки пятнадцать лет прошло.

Приглушенный свет, холодный воздух. Местами пожелтевшая, местами посеревшая земля. Деревья, которые всегда казались ей низкорослыми и кривыми, теперь почтительно склонились в ее сторону. Они кланялись и кивали. Точно приветствуя ее.

Натали тоже здоровалась с лесом, постепенно оттаивая и открываясь. Время вышло из рамок, рассыпалось не мелкие кусочки, и Натали почувствовала себя частью всего вокруг. Как будто части мозаики, составляющие ее, совпадали с частями, образующими этот мир.

Она долго шла медленным шагом, пока, наконец, не нашла пару высоких кочек, где можно было присесть и прислониться к сосенке.

Натали просидела там довольно долго, слушая собственное дыхание. Начал накрапывать дождик. Капли щелкали по ее дождевику, напоминая дробь дождя о ткань палатки по утрам. Пахло хвоей. На мокрые сапоги налипли пожелтевшие листья восковицы. Натали подняла пару листиков и осторожно растерла их пальцами. Вдохнула пряный резкий запах. Закрыла глаза.

Прошло несколько минут. Может быть, четверть часа. К ней подобрался туман, как любопытный зверь с неясными намерениями. Подполз по мокрой земле, окутал ее ноги.

Словно говоря: «Ты. И правда ты. Как давно это было».

Натали не шевелилась. Едва дышала. Сидела неподвижно с полузакрытыми глазами и ждала, когда пройдет это оцепенение.

Наконец, сама того не замечая, она прошептала: «Я знаю. Немало времени прошло. Но теперь я здесь».

4

В девять часов в субботу она уже сидела у домика и ждала Юханнеса. На ней были рабочие брюки, непродуваемая куртка и огромные сапоги. В рюкзаке лежал термос с кофе, контейнер с обедом и оборудование для взятия проб. Юханнес прислонил велосипед к стене и направился к Натали. Он был одет в джинсы, кеды и джинсовую куртку поверх толстовки. Перехватив скептический взгляд Натали, Юханнес рассмеялся:

– Что, думаешь, не подойдет? – Потом ответил сам себе: «Ничего, и так нормально. Вперед!

– Но там довольно мокро, – возразила Натали.

– Тем приятнее будет вернуться и погреться у камина.

Юханнес нес часть вещей. Они шли той же дорогой, которой она ходила накануне. У Натали был с собой навигатор, и очень скоро они вышли к первому месту, где у нее стояли трубы. Натали достала из рюкзака шесть черных пластмассовых крышек диаметром два дециметра, с резиновыми пробками посередине.

– Смотри, – объясняла она, показывая на пробку. – Сюда я воткну иглу для забора поднимающихся из земли газов. А потом из шприцев перенесу газ в эти пробирки.

Натали открыла сумку с маленькими пробирками, уложенными ровными рядами.

– В каждом месте замеряем четыре раза: через пять, десять, пятнадцать и двадцать минут. Понятно?

– Да.

– Будем измерять количество азота, метана и закиси азота – газов, выделяемых болотом. Закись азота и метан потенциально более опасные парниковые газы. Они больше влияют на климат.

– Значит, от них все зло?

– На самом деле нет. Без парниковых газов не было бы жизни на Земле. Было бы слишком холодно. Проблема в том, что из-за повышения средней температуры процессы в почве ускоряются, следовательно, начинает выделяться больше парниковых газов, чем нужно. Что, в свою очередь, ведет к еще большему потеплению… а значит, высвобождается еще больше газов. И так далее. Такой вот эффект. – Натали направилась к месту замера. – В первый раз я покажу, а потом можешь сам попробовать.

Юханнес кивнул и весело улыбнулся.

– О’кей, вас понял.

Натали прикрутила первую крышку, быстрыми шагами перешла ко второй трубе и завинтила на ней крышку. Бегом вернулась и воткнула иглу в пробку на первой крышке. Затем проделала то же самое со второй иглой. Засекла время секундомером.

– Через пять минут замеряем снова, – напомнила она, перенося содержимое шприцов в пробирки. – Ты можешь взять пробы вон в той трубе, а я продолжу работать с этой.

– Что-то я немножко нервничаю, – произнес Юханнес с напряжением в голосе.

– Понимаю, – ответила она. – Ты же можешь мне все испортить.

– Прекрати.

– Да ладно, я шучу. Не волнуйся. На самом деле это очень просто, у тебя точно получится.

Она подала ему шприц.

– Береги пальцы. Можно уколоться, особенно когда холодно и руки окоченевают.

Пять минут спустя они стояли наготове каждый у своей трубы.

– Поехали, – скомандовала Натали и воткнула иглу в пробку, одновременно посматривая на Юханнеса. Он проделал все, что от него требовалось, с сосредоточенной улыбкой на губах.

– Блестяще, – похвалила она, когда Юханнес закончил. – Ты просто талант.

Он сцепил руки и поднял их в победном жесте.

– Не сомневался.

– Пять минут до следующей пробы. Может, перекусим? – поинтересовалась Натали.

Она налила кофе в две кружки, и посматривала на Юханнеса, пока тот пил. Его кеды уже потемнели от влаги.

– А что вообще отличает болото? – спросил Юханнес и обвел взглядом местность.

– Ну, в первую очередь болото – это разновидность влажных почв, – сказала Натали, протягивая Юханнесу раскладной стул, а сама устраиваясь на подстилке. – Влажные почвы – это местность, где вода в течение почти всего года находится очень близко к поверхности или прямо над ней. Говорят, что половина растений должна быть гидрофильной.

– Гидрофильной? – переспросил Юханнес и рассмеялся.

– Влаголюбивой.

Он поднял брови.

– Кажется, я выучил новое слово. Звучит как-то… неприлично.

– Да уж. Существуют разные виды болот, но если говорить проще, то их можно разделить на низинные, переходные и верховые. Верховое болото полностью зависит от атмосферных осадков, так как оно изолировано от грунтовых вод. Через такое болото не течет никакой водоем, поэтому там выживают только те виды, которым не нужно много питания. Прежде всего торфяной мох, или сфагнум.

Она взглянула на Юханнеса.

– Я столько говорю, а тебе это, наверное, неинтересно.

– Почему же? Интересно.

Она скептически улыбнулась.

– Я без всякой иронии, – заверил он. – Продолжай.

– Так вот. На листьях сфагнума… – она сорвала кусочек мха, – есть отверстия, где накапливается вода. Таким образом создается собственный водный резервуар над уровнем грунтовых вод. Умирая, сфагнум превращается в торф, который разрастается и приподнимает болото выше его первоначального уровня.

Юханнес внимательно слушал.

– А вообще, болота – это почки природы, – продолжала Натали. – Они отфильтровывают лишние питательные вещества из воды, проходящей сквозь них. Болота приостанавливают потоки воды, образующиеся, например, при таянии снега или сильных дождях. Поэтому ужасно жаль, что так много болот исчезает.

– А почему они исчезают?

– Во-первых, климат раньше был более влажным. Во-вторых, из-за индустриализации сельского хозяйства большие площади были осушены. – Натали поднесла чашку ко рту и взглянула на часы: – О боже, нам пора замерять!

Юханнеса, похоже, невероятно интересовало все, что она ему рассказывала. «Даже подозрительно», – думала Натали, когда они в воскресенье проделывали ту же процедуру на северной стороне. Она никогда раньше с таким не сталкивалась – чтобы кто-то не из университетских задавал столько вопросов.

Они периодически так увлекались, что забывали о времени, и тогда приходилось вскакивать и бежать, чтобы вовремя взять пробы.

– Меня всегда интересовало… – начал Юханнес, когда, казалось бы, все возможные вопросы о болотах и заболоченной местности были заданы. – То, что мы обычно называем декоративным мхом, чем украшают рождественские подсвечники или утепляют старые окна, – это ведь совсем по-другому выглядит? Как такое может быть?

– Хороший вопрос, – ответила Натали. – То, что под Рождество продается в магазинах под названием «белый мох» на самом деле лишайник. Говорить, что мох и лишайник – одно и то же, все равно что утверждать, будто подснежники и слоны – это то же самое.

Юханнес засмеялся.

– Что ты имеешь в виду?

– Лишайник – это тесный симбиоз двух организмов: гриба и зеленой водоросли. Водоросли путем фотосинтеза вырабатывают энергию в форме углеводов, а грибы обеспечивают организм водой и минеральными солями из горных пород. А мох – единый организм, вот в чем основная разница.

– Расскажу маме, когда она будет в следующий раз украшать дом к Рождеству, – сказал Юханнес. – Пусть знает, что ее обманывают.

В воскресенье, завершив работу, они вместе вернулись в домик. Натали приготовила ужин. Она решила остановиться на блюде, которое всегда готовила по особенным случаям. Единственное, которое она могла приготовить с закрытыми глазами, – жаркое из баранины с горчицей, сладким перцем и картофелем.

– Никогда не ел баранину в таком виде. Очень вкусно, – похвалил Юханнес.

Они открыли бутылку красного вина, и разговор зашел о том, почему Натали решила стать биологом.

– На самом деле все началось с горения водорода. – Натали рассказала, как на уроке химии в старших классах она налила в пробирку немного соляной кислоты и магния и поднесла спичку – и раз! – образовался водород.

– Это был, наверное, первый раз, когда я поняла, что в школе может быть интересно, – добавила она.

Когда настало время определяться со специализацией в гимназии, выбор совершенно логично пал на естественно-научное направление. Натали нравились лабораторные работы, она обожала белые халаты, чистоту и порядок, ей доставляло удовольствие проверять защитное оборудование. Нравилось взвешивать и измерять, рассчитывать молекулы, сколько молей вещества надо взять, и сколько это будет в граммах.

В первые весенние деньки, пока другие наслаждались кофе, подставляя лица солнышку, Натали не спускала глаз с чашки, радуясь не только тому, что кофе с молоком действительно смешивались, а кусочек сахара растворялся и исчезал, но и воспоминанию о том тихом счастье, какое она испытала, когда впервые поняла, почему это происходит.

Со временем смысл всего ее существования свелся к экспериментам, к погружению в процессы, к углубленному изучению того, что уже было

достигнуто в этой области. В ее отношении к науке не было восторженности, только спокойное созерцание. Неосознанно и неумолимо эта научная сфера превращалась в ее новый дом. Медленно, но верно. Защитная сетка из фундаментальных аксиом и множества составляющих, красиво разложенных по полочкам, стала спасением от всех непонятных вещей, которые наполняли ее жизнь в детстве и которые в конце концов взяли над ней верх.

Но об этом рассказывать Юханнесу она не стала.

Он сказал, что его отец, ныне покойный, всю жизнь собирал бабочек и насекомых. У него, как и у Натали, вся комната была завалена энциклопедиями и справочниками с латинскими названиями. В детстве Юханнес любил туда заходить.

– Может быть, поэтому меня… – он наклонился к Натали, – так тянет к тебе.

– Потому что я напоминаю тебе отца? – осторожно произнесла она, скептически улыбаясь.

– С тобой я чувствую себя как дома.

Она сделала вид, что смысл сказанного Юханнесом никак не затронул ее.

– Ну, а ты? – спросила она. – Расскажи свою историю. Почему ты хочешь стать художником?

– Как-нибудь расскажу. А сейчас уже поздно, – сказал он, вставая.

– Я сплю на диване в кухне. Ты можешь лечь в спальне.

– Я поеду домой. У меня тут велосипед.

– Думаю, это плохая идея, – засмеялась она.

– Все нормально. Увидимся завтра. Может быть.

Он обнял Натали, поцеловал ее в лоб и вышел.

5

На следующий день Натали встала рано и все утро спешно наводила порядок. Подметала, протирала пыль, мыла полы и стирала с ощущением, что ей необходимо избавиться от зудящего беспокойства, охватившего все тело. Около полудня раздался сигнал мобильного телефона.

Какие планы на сегодня? Может, придумаем что-нибудь? Ты хорошо потрудилась в субботу и воскресенье. Возьмешь выходной? Обнимаю, Ю.

Натали засомневалась, но ее пальцы уже набирали сообщение.

Конечно, с удовольствием. А тебе ничего не надо делать?

Могу отложить на потом.

О’кей. Какие будут предложения?

Есть одна идея. Сейчас приеду к тебе и расскажу.

Натали обедала на крыльце, когда Юханнес подъехал на велосипеде. Стоял прекрасный сентябрьский день. Увидев стройную фигуру Юханнеса в солнечном свете, с развевающимися темными волосами, Натали почувствовала какую-то необычайную легкость.

– Привет! – Он остановился рядом с Натали. – Какая погода!

– Это точно, – ответила она. – В такой день грех не устроить себе выходной. У меня нет ни малейшего желания сидеть дома и изучать диаграммы.

Юханнес положил велосипед на траву, обнял Натали и присел рядом с ней.

– Ну и какая у тебя идея? – спросила она.

– Я слышал, тут неподалеку есть маленькое лесное озеро, – ответил он. – Мы можем съездить туда на велосипедах.

«То самое озеро», – подумала она. И тут же увидела перед собой густой старый лес, большие камни и темную воду. Казалось, дна не видно вовсе. Натали всегда казалось это естественным, пока она не переехала на западное побережье Швеции и не обнаружила, что это самое страшное для людей, всю жизнь проживших у моря.

– Кстати, ты ел? – поинтересовалась она. – У меня еще осталась еда.

– Да, я только что пообедал. Спасибо. Ну как тебе моя идея, нравится?

– Да, очень. Как ты думаешь, может, взять что-нибудь с собой?

– Ничего не надо, просто поехали. Хотя если ты хочешь что-то взять – пожалуйста.

– Я соберу какой-нибудь еды. Сейчас приду.

Она вошла в дом и положила в рюкзак термос с кофе, бутылку с водой, орешки и остатки обеда. Вдруг путешествие затянется? Рулон туалетной бумаги, свитер и запасные носки. Там может быть сыро.

– Ну вот, – сказала она, выходя. – Я готова.

В следующую секунду она уловила краем глаза какое-то движение. Нечто, что мгновенно исчезло за домом. «Что это было? Промелькнувшая тень?» Натали побежала за ней. Обвела взглядом сад и окружавшую участок живую изгородь… ничего.

«Но я могу поклясться, что…»

– Что с тобой? – забеспокоился Юханнес. – Что ты делаешь?

– Ничего. Поехали.

Они ехали рядом, подпрыгивая на гравиевом покрытии. Хутора, которые они проезжали, всплывали в памяти Натали, как затонувшие острова: Здесь жил один злобный фермер, мы с Юлией следили ним, тогда тут стоял дом-развалюха, а теперь – настоящая буржуазная мечта с панорамными окнами и большой верандой. А вон там пробегала маленькая кошка с гигантской крысой в зубах, я сидела на заднем сиденье черного «Вольво», папа за рулем с сигаретой в руках, которую он курил, выдыхая дым через приоткрытое окно. «Смотри, Натти, какой жирный крыс!»

Натти. Давно она не вспоминала свое уменьшительное имя. И уж совсем никогда не возвращалась мысленно к своим биологическим родителям.

«Спокойной ночи, Натти». Дверь спальни закрывается. Сучки на деревянном потолке в ее комнате. Продолговатые рисунки, которые можно рассматривать, когда никак не уснуть. Извивающиеся женские фигуры. Целое небо открытых ртов и глаз.

– Здесь бы не помешал горный велосипед, – сказал Юханнес и неуверенно посмотрел на Натали. Она крепче сжала руль, кивнула и отвернулась.

Они свернули на совсем узкую дорожку и поехали медленнее.

– Думаю, скоро начнется тропинка, – предположил Юханнес.

– Вон она, – ответила Натали, не задумываясь.

Юханнес поднял брови.

– Ты уже здесь бывала?

– Мне показалось, там виднеется тропинка.

Они оставили велосипеды у обочины и начали пробираться в лес. Солнце яркими полосками ложилось на мягкий мох, на земле лежали поваленные деревья разной степени разложения. Юханнес остановился и огляделся. Посмотрел вверх, на свет, проникающий сквозь кроны деревьев.

– Это как в храме Святого Семейства, – воскликнул он. – Ты там была? В Барселоне?

– Только снаружи видела, – ответила Натали, опустив взгляд в землю.

Пройдя по заросшей тропинке, они, наконец, вышли к озерцу, защищенному от ветра высокой зеленой стеной деревьев. Натали села на заросший мягким мхом камень, Юханнес расположился рядом.

– Боже мой, как красиво! – проговорил он, закрывая глаза и ложась на спину. Долгое время они молчали. Сначала Натали смущала эта тишина, но вскоре ей удалось расслабиться. Сколько раз она тут сидела. Часто они с Юлией купались в этом озере, когда гуляли одни. Не только они, но и другие дети с окрестных хуторов. Натали вспомнила, как они могли часами нырять и играть, как вода обнимала их со всех сторон, обмывала их худенькие тела тяжелыми блестящими потоками.

Высоко над ними парила хищная птица. Натали украдкой рассматривала Юханнеса. Глубоко посаженные глаза. Довольно длинный, прямой нос. Едва заметная улыбка на губах. Жесткая щетина, а выше – гладкая кожа. Как пересеченный ландшафт.

Краем глаза Натали уловила какое-то движение и обернулась. Буквально в нескольких метрах от них стояла косуля. Как будто так и надо, даже ухом не повела. Натали не слышала, как она подошла. Животное стояло настолько близко, что можно было разглядеть свое отражение в его больших черных глазах. Они долго смотрели друг на друга, внутри у Натали что-то дрогнуло. Словно сняли завесу. Сместилась перспектива, все сдвинулось и одновременно стало простым и понятным.

То, что она считала действительностью, каким-то непостижимым образом отворилось, и Натали попала в промежуток безвременного пространства, о котором раньше не знала. Конструкция рассыпалась, и она вдруг обнаружила,

что составляет единое целое с этим мгновением и со всем вокруг. Что она и есть это мгновение.

В следующую секунду в голове жесткой вспышкой пронеслась мысль: «Что со мной происходит?»

По небу плыло облако.

– Capreolus capreolus, – произнесла Натали слабым надтреснутым голосом. Тишина была нарушена. Косуля вздрогнула и убежала.

– Что? – переспросил Юханнес, резко садясь и удивленно глядя вслед убегающему зверю.

Натали моргнула и сглотнула слюну.

– Косуля, – произнесла она чуть слышно. – На латыни.

6

Юханнес стал часто заглядывать в домик после пробежки. Обычно они садились на кухне и разговаривали, а потом он уезжал домой. Объятья при прощании становились все более долгими, но ей всегда удавалось вовремя увернуться, прежде чем поцелуй станет неизбежным.

Натали вынуждена была признаться себе, что с нетерпением ждет этих встреч. И рискует привязаться к человеку, который раз в день пробегает мимо ее дома и, вероятно, продолжит это делать независимо от того, как будут развиваться их отношения. Все это легко могло стать серьезным осложнением ее жизни в Моссмаркене, угрозой ее независимости и относительному умиротворению.

К тому же ей надо сосредоточиться на том, для чего она сюда приехала.

Юханнес казался гораздо более беззаботным.

– На самом деле у меня полно долгов по учебе, – сказал он как-то. – Так что если тебе надо поработать спокойно – только скажи, я не обижусь. Обещаю не мешать. Просто повесь табличку на дверь. – И опять эта улыбка, от которой у нее дух захватывало и которая невольно всплывала в памяти, даже когда она и не собиралась думать о нем.

Надо сосредоточиться.

В один прекрасный вечер он спросил, не хочет ли она съездить с ним в его студенческую квартиру. Две комнаты и кухня, в старые добрые времена здесь легко поместилась бы целая семья, а сегодня места едва хватало одному будущему художнику.

На стенах висело множество абстрактных рисунков углем, нагромождение грубых контрастных линий и лабиринтов, которые заставили ее почувствовать себя потерянной и взволнованной.

Пока они осматривали квартиру, Юханнес пытался на ходу навести порядок. Одной рукой он засовывал в ящик кипу бумаги, другой отодвигал мольберт, а ногой сгребал книги в кучу у стены.

– Если бы я знал заранее, что приглашу тебя, – оправдывался он, протирая тряпкой журнальный столик, – тут бы все, конечно, выглядело по-другому. – Он убрал газеты с маленького диванчика из семидесятых годов.

– По крайней мере чисто, – произнес он. – Может быть, у меня беспорядок, но убирать я умею. На самом-то деле.

Она пожала плечами и засмеялась:

– Рада за тебя.

– А я за тебя, – прошептал он и подошел совсем близко.

– Что ты имеешь в виду?

Юханнес посмотрел на нее неуверенным, испытующим взглядом.

– Не знаю.

Молчание.

– Хочешь пива? Или чего-нибудь покрепче? – спросил он.

Она поежилась.

– Знаешь, мне завтра рано вставать. Я ненадолго.

– Ладно, – ответил Юханнес, покосившись на нее. – В любом случае, я рад, что ты приехала сюда. Надеюсь, я не отпугну тебя, показав мое истинное я, – сказал он мягко, обводя жестом комнату.

Натали вздрогнула. «Истинное я… Что он хочет этим сказать?» Но тут же напомнила себе, что Юханнес понятия не имеет, откуда она и кто она такая на самом деле.

– Вообще-то, я немного голодна, – сказала она. – А ты? У тебя есть что-нибудь?

Юханнес направился в кухню.

– Две пиццы в морозилке, подойдет?

За едой они играли в «Яцзы» и слушали Монику Зеттерлунд и Bill Evans Trio. Звуки песни Come Rain Or Come Shine наполняли комнату.

– Веточка брусники в бокале с коктейлем, – сказал Юханнес, выбрасывая двойки.

– Вот как! – произнесла Натали. – Какая еще веточка?

– Кто-то так сказал о Монике Зеттерлунд. Кажется, этот, высокий и рыжий. Таге Даниэльссон.

– Точно. Тот самый, который написал монолог о вероятности, – Натали взглянула на кости. – Ты действительно не будешь перебрасывать?

– Зачем? Семь очков, мне вполне хватит. А ты? – продолжал он.

– Я? Что я?

– Чем бы ты была? Если представить себе растение в каком-нибудь сосуде?

– Понятия не имею. Но уж точно не в коктейльном бокале.

– Я знаю, – сказал Юханнес. – Деревянная кружка. Такая, на кожаном шнурке, чтобы повесить на шею.

– А какое растение?

Он задумался.

– Может быть, роза.

– Роза? Боже мой, как скучно.

Юханнес внимательно посмотрел на нее. Что-то серьезное было в его взгляде.

– В первую очередь я думаю не о красоте этого цветка. И не о благоухании.

– А о чем тогда?

– О его многослойности. И еще… – он явно колебался. – О том, что роза бывает, как бы это сказать… Колючей – неверное слово. Скорее сопротивляющейся.

– Сопротивляющейся? – повторила она, растягивая слово и чувствуя, как лицо заливает краска. – Что ты хочешь этим сказать?

– Извини. Это было бестактно с моей стороны. Давай в другой раз.

Натали набрала побольше воздуха в легкие и бросила кости.

– Все в порядке. Мне все равно пора идти. Уверена, ты выиграл. Несмотря на неудачный последний раунд.

Натали встала и направилась в прихожую одеваться. Натягивая куртку и наматывая шарф, она рассматривала картинки на стенах.

– Расскажи мне немного о своих работах, – попросила она. – Чем ты занимаешься?

Он поднялся, засунул руки в задние карманы джинсов.

– Шут его знает. Просто рисую. У меня внутри какая-то тяжелая радость, которой необходимо дать выход.

Натали обернулась к нему.

– Что ты сказал?

Юханнес смущенно опустил взгляд.

– Понимаю. Это, наверное, не самое типичное воплощение художника.

– Тяжелая радость? – переспросила она.

– У меня всегда было чувство, что жизнь изначально дается как большое счастье. И с каждым событием она становится еще прекраснее. Не знаю, как бы я вместил в себе всю эту радость, если бы не давал ей выход.

– Прекрати, – сказала Натали. – Ты меня разыгрываешь.

Он покачал головой.

– Это правда. Я такой, какой есть. Либо принимай, либо отказывайся.

– О боже, – Натали завязала шарф узлом. – А ты когда-нибудь анализировал, почему ты такой?

– Моя теория такова: я был всего в нескольких минутах от того, чтобы вообще не появиться на свет. Поэтому у меня ощущение, что все в жизни – это бонус. Каждая секунда. Даже трудности приносят мне своеобразную радость. От того, что я все это проживаю.

Натали вытаращила глаза.

– А почему ты был в нескольких минутах от того, чтобы не появиться на свет?

– Мой отец вышел из дому за сигаретами сразу же после того, как я был зачат. Он споткнулся, упал, ударился головой о камень и умер. Сперматозоиды, оплодотворившие яйцеклетку, из которой и появился я, только-только успели выйти наружу. Я не шучу, речь идет о минутах. Я был не больше одного деления клетки от роду. Мама утверждает, что папе так хотелось покурить, что ей пришлось уговаривать его сначала заняться любовью. Так что… жизнь моя висела на волоске, можно так сказать. С другой стороны, так обстоит дело со всеми людьми. Все это настолько невероятно – почему на свет появляемся именно мы. Просто в моем случае это особенно отчетливо видно. – Он пожал плечами. – Хотя откуда мне знать? Может быть, это просто генетика. В роду моего отца, похоже, у всех в крови радостное отношение к жизни. А вот со стороны матери, наоборот, сплошная шизофрения и депрессия.

Натали поняла, к чему идет разговор, и поспешила его закончить.

– Все-таки хорошо быть жизнерадостным, – сказала она, подняв брови.

– Ну-у!.. – он скорчил гримасу. – Жизнерадостный. Звучит прямо-таки сексуально.

Он сделал глоток пива. Натали рассматривала его руку, в которой он держал бутылку. Длинные тонкие пальцы. Как бы они дотрагивались до ее кожи, если бы она позволила, как ласкали бы грудь, как проникали внутрь?

– А ты?

– Что я?

– Какие у тебя скрытые дефекты? – спросил Юханнес, ставя бутылку.

Натали продолжала рассматривать рисунки на стене.

– Во всяком случае, такого количества радости во мне нет, – произнесла она.

Какое-то время они молчали. Слышался только звук ее шагов, когда она переходила от картины к картине.

– Ничего страшного, – сказал он наконец осторожно и подошел к ней. Положил руку ей на спину. – Во мне ее столько, что хватит на двоих.

Натали повернулась к нему, и что-то у нее внутри оборвалось.

Они долго стояли и смотрели друг на друга. Юханнес не отводил взгляда, не пытался разрядить обстановку шуткой, просто принимал все как есть. Чувство чистоты, близости, контакта.

Свет играл в его карих глазах, скользил по кругу, останавливался, разворачивался. Через несколько секунд или минут она дотронулась кончиками пальцев до его руки, затем сняла с него свитер. Они раздевали друг друга прямо на полу в коридоре, сбрасывая одежду так же быстро, как опадает листва с осенних каштанов, и сплелись наконец в едином клубке из кожи и волос, рук и ног. Потом за руку дошли до кровати и уснули.

7

На следующее утро Натали проснулась с давящим ощущением глубокого недовольства в груди.

«Что я сделала?»

Юханнес спал, повернувшись к ней спиной. Натали слышала его тяжелое дыхание. Она осторожно выскользнула из кровати, натянула на себя одежду и вышла. В голове вспыхивали воспоминания о прошедшем вечере.

«Зачем, зачем?»

Натали запрыгнула на велосипед и помчалась домой, рассекая рассвет, судорожно давя на педали, будто пытаясь убежать от воспоминаний и от того, что с ней произошло.

Подъехав к домику, она зашла за полотенцем и сразу направилась в душ. Долго стояла под теплыми струями воды, смывая с себя все следы, все мельчайшие частички беззащитности. Затем вытерлась насухо. Стало получше.

Спускаясь по лестнице, Натали видела и Елену, и Алекса, но ей совсем не хотелось разговаривать, поэтому она поспешила выйти.

Вернувшись в домик, она сварила большую порцию овсянки и потом сидела весь день со своими бумагами, изучая результаты проб.

Вечером Натали съездила за продуктами в дальний большой магазин. Как раз в то время, когда Юханнес обычно бегал возле ее дома. Тем лучше, они и так слишком часто виделись в последнее время.

Дома Натали приготовила простое блюдо из макарон и попыталась не думать о Юханнесе. Она не звонила ему, не писала, но какой-то странный зуд под кожей не давал покоя.

Темнота опять стала казаться назойливой. Холод словно вцепился в нее изнутри.

Около полуночи, когда Натали, наконец, решила лечь спать, она впервые за весь день взглянула на свой мобильный.

Непрочитанное сообщение.

Спасибо. За вчера. Всегда твой. Ю.

Лежа в кровати, Натали слушала легкий стук дождя по стеклу. Несколько минут она ничего не делала, позволяя себе не погружаться в мысли о том, что предстоит успеть за день. Просто лежала, слушала дождь и смотрела в потолок, как будто отдыхая.

Раньше работа и отдых были для нее одним и тем же. Отдых означал размышления о текущем проекте, о том, что уже достигнуто и каким будет следующий шаг. Постоянно циркулирующие в голове мысли позволяли расслабиться.

Теперь она понимала, что отдых куда-то переместился. Теперь он поселился в каком-то другом месте, о котором она могла лишь смутно догадываться, слушая этим утром монотонный стук дождя по стеклу.

Натали решила отложить все дела, запланированные на этот день, чтобы попытаться сохранить это ощущение покоя. До сих пор подавленная произошедшим на днях у Юханнеса, девушка признавала, что в глубине души она надеялась, что он сегодня зайдет.

Возможно, не стоит сильно драматизировать события, как и свое восприятие произошедшего. Может быть, на этот раз действительно удастся выстроить нормальные отношения. Так открываться другому человеку – это ведь не всегда опасно. Да и открылась ли она? Натали сама не знала. Могло же быть так, что между нею и Юханнесом просто возник контакт? Если использовать выражения, которыми обычно так легко разбрасывалась Харриет.

«У тебя никогда не было с нами контакта, Натали. Я же вижу. Но мы должны научиться общаться. Мы же твоя семья».

Просидев большую часть дня в кресле перед камином с норвежским детективом, найденным в хозяйской усадьбе, Натали заметила, что поднялся жуткий ветер. Слабо движимые поначалу, кроны деревьев раскачивались все сильнее. Медленно опускались сумерки, словно желая скрыть непогоду, приглушить силу ветра, но безрезультатно. Настоящее осеннее ненастье, жесткое и беспощадное. Как будто со злым умыслом. Натали ощутила легкое беспокойство, предчувствие чего-то далекого и неприятного, но в то же время знакомого.

И тут она увидела в окно Юханнеса. Это было как дар свыше, секундная вспышка радости в груди, прежде чем она осознала свою спонтанную реакцию, и тепло перешло в жгучую боль.

Он остановился на парковке перед усадьбой, прислонил велосипед к фонарному столбу. Взглянул на домик, но Натали не заметил.

Юханнес начал разминаться. Натали подумала, что сейчас он постучит к ней. Если не прямо сейчас, то потом, после пробежки. И ей действительно этого хотелось.

Ее нынешнее желание было совсем не похоже на то, которое она обычно ощущала. Оно росло в ней, как быстро распространяющийся пожар, который невозможно ни остановить, ни взять под контроль. Оно охватывало новые территории, неизведанные сферы, доходя до самых глубин. И оно было настоящим.

Лучше посмотреть правде в глаза, она не может больше обманывать себя. Это необычайно опасное желание, опустошающая жажда, угрожающая всему ее существованию.

Натали не думала, что такая буря чувств может настичь ее здесь, в глуши. Напротив, она была уверена, что тут-то она в безопасности.

И теперь она не знала, готова ли она принять последствия. К глазам подступили слезы. От беспорядочных мыслей кружилась голова.

«Нет!»

Она не готова. И точка. Сейчас ей необходимо сосредоточиться на себе, на том, что ей надо сделать.

Она не думает открывать, если он постучит. Притворится спящей. Их отношения не могут продолжаться – по крайней мере в нынешнем виде.

Натали еще немного почитала, затем отложила книгу. И решила, несмотря на погоду, сходить в усадьбу за водой.

Взяла в каждую руку по канистре, ногой открыла дверь и вышла. Мысль промчалась в голове Натали, но девушка не сразу смогла ее сформулировать.

Когда же мысль приобрела отчетливые очертания, она почти сбила Натали с ног.

«На улице же полное безветрие. И когда буря успела стихнуть?»

Натали поставила обе канистры на землю, бросилась к тропинке и побежала тем маршрутом, по которому обычно бегал Юханнес.

«Была ведь настоящая буря, – гремело у нее в голове, пока она неслась во весь опор. – Настоящая буря! Только что!»

Она обязана найти его, пока не поздно.

Часть 2

1

Инспектор полиции Лейф Бергрен выглядел точно таким, каким Майя Линде запомнила его тогда, четыре года назад, когда он позвонил в ее дверь в Бруклине, а она понятия не имела, что Лейф с женой приедут в гости.

– Мы просто проезжали мимо, у тебя есть свободный часик?

Сейчас, стоя у дверей ее дома в Фенгерскуге, он излучал ту же скрытую под маской беспечности хитрость. Чуть поредевшие волосы, спокойный как скала, в темных джинсах и толстом свитере с молнией сверху.

– Я знаю, что ты выходишь только в понедельник, – сказал он после сердечных объятий. – Но тут кое-что произошло… Хотя тебе, конечно, и так есть, чем заняться – дом и все такое. Ты ведь только успела переехать?

– Ну, говори же! – не выдержала Майя.

– Предположительное место убийства находится недалеко отсюда. На парня, похоже, напали. У нас есть фотографии, но если честно, ужасно плохого качества. На момент выезда дежурной бригады стоял туман. Я подумал, раз уж я все равно проезжаю мимо, может, ты захочешь присоединиться? Нам нужен настоящий фотограф.

– А где это?

– В Моссмаркене.

– Ладно, – согласилась Майя. – Ну надо же, не где-нибудь, а в Моссмаркене.

– Рада тебя видеть, Лейф, – сказала Майя, усевшись в машину. – Как здорово, что мы снова будем работать вместе.

– Да, по крайней мере какое-то время. Я собираюсь выйти на пенсию в шестьдесят пять. Просто чтобы ты знала. Через два года.

– Значит, последние тринадцать лет мне придется работать одной?

Он засмеялся.

– Последние тринадцать? К сожалению, твоему поколению не суждено выйти на пенсию. Денег на вас просто-напросто не останется.

– Ну что ж, придется трудиться. А что будешь делать ты, счастливый пенсионер? – спросила Майя. – Слушать старые пластинки и торговать всяким хламом на полную ставку?

Майя намекала на его хобби: покупать необычные вещицы из Азии и продавать их потом друзьям, родственникам и всем, кто заинтересуется.

– Хламом? И это говорит знаменитая художница Майя Линде?

Пятнадцать лет назад на биеннале в Венеции Майя представила свою выставку «Дождь» – и в одночасье прославилась в качестве фотохудожника. Переехала в Нью-Йорк. Периодически Майя возвращалась к своей второй профессии, весьма необычной: она работала полицейским фотографом. Вообще, мир искусства и полицейский мир оказались тесно переплетены для нее еще с детства – оба ее родителя были художниками, а кроме того, мама работала в полиции.

Ребенком Майя много раз заходила с мамой в отделение полиции города Карлстад, в часе езды от родного Омоля. В середине восьмидесятых, после окончания гимназии, Майя выучилась на фотографа. Практику проходила в полиции у мамы, потом там же устроилась на работу на лето. Тогда она воспринимала это как временное отступление от плана стать настоящим человеком искусства, как неизбежное зло перед тем, как она сможет зажить своей, подлинной жизнью. Однако работа в полиции придала ее творчеству новое измерение, о котором она раньше даже не думала. Поэтому, когда после окончания учебы ей предложили работу на полставки в полиции Карлстада, Майя приняла это предложение без колебаний.

Фотоизображение тела, только что испустившего последний дух, оказало на Майю ошеломляющее впечатление. Как и работа по документированию места, где только что произошло преступление.

Она не уставала удивляться тому, как самое обычное место или ничем не примечательный предмет неожиданно наполнялся новым смыслом, превращаясь в важную улику.

Майя проработала в полиции Карлстада почти двадцать лет. Переехав, наконец, в возрасте тридцати девяти лет в Нью-Йорк, она устроилась на неполный день в девятом полицейском округе, что позволило ей не потерять квалификацию.

А теперь Майя решила вернуться в свое отделение в Карлстаде, хотя с экономической точки зрения в этом не было необходимости. Два дня в неделю, пока коллега на больничном.

– Значит, говоришь, хлам? – снова засмеялся Лейф и достал с заднего сиденья полиэтиленовый пакет. – Вот тут у меня… Какой ты предпочитаешь цвет?

Синий? Красный? – Он поднял пригоршню очков для чтения.

– У меня уже есть несколько пар, – попыталась отбиться Майя.

– Таких нет, – Лейф разорвал пластиковую упаковку и протянул ей пару очков в ярко-синей оправе. Дужки были соединены сзади и продолжались вокруг шеи.

– И как их надевать?

– Открываешь тут. – Он показал на маленькую сиреневую перемычку на переносице. – Они соединяются спереди с помощью магнита.

Лейф открыл очки, натянул их на себя сверху и защелкнул магниты. Потом снова открыл и отпустил. Очки повисли на груди.

– Видишь? Никаких хлебных крошек на очках, как это обычно бывает, когда очки висят низко на животе. А если ты обычно сдвигаешь их высоко на лоб, тебе это надоедает, ты их куда-нибудь откладываешь, а потом не можешь найти. Правильно я говорю?

Майя попробовала несколько раз. Застегнула, расстегнула. Надела, сняла.

– Беру, – сказала она. – Сколько я тебе должна?

– Сто крон, но для тебя восемьдесят.

– Беру за шестьдесят.

– Семьдесят.

– Ты пользуешься платежной системой Swish?

– Конечно.

– Какой ты продвинутый, – произнесла Майя, вынимая мобильник.

Через десять минут езды под песню Лассе Стефанца Лейф с Майей были на месте преступления. Она свернули с основной дороги на самой границе двух провинций – Дальсланда и Вермланда. Сельская дорога постепенно сужалась, пока не перешла в ухабистую гравиевую тропинку, с обеих сторон окруженную лесом. Вот в стороне от дороги появилась выцветшая табличка.

«Моссмаркен».

– Приехали, – сказал Лейф.

В Моссмаркен раньше водили в поход группы местных школьников – она и сама бывала здесь девчонкой, – пока один мальчик не исчез бесследно в день здоровья десять лет назад. Майя тогда жила в Нью-Йорке, и о случившемся она узнала от родителей. С тех пор подобные вылазки на природу прекратились. Решили, что в болотах слишком опасно. Много коварных топей.

На этот раз возле тропинки был найден молодой мужчина без сознания. В ходе обследования врачи обнаружили рану на голове. Вероятнее всего, молодой человек встретил во время пробежки кого-то, кто и нанес удар.

Лейф припарковал машину на маленькой стоянке. Майя достала из багажника фотоаппарат, и они направились к информационной табличке.

Природный заповедник Моссмаркен

Моссмаркен представляет собой смешанный ландшафт, где представлены такие важные биотопы, как старый сосновый бор и переходные болота. Однако в основном местность состоит из торфяных болот, где произрастает много видов растений, занесенных в Красную книгу, в частности, редкая вейсия и фликтис серебристый. Кроме того, здесь водится много видов лягушек и птиц, например прудовая лягушка и глухарь.

Местные болота интересны и с исторической точки зрения. Есть основания полагать, что в железном веке данная территория использовалась в ритуальных целях. Здесь приносили в жертву орудия труда, еду и даже людей. Благодаря бедной кислородом, кислой среде процесс разложения происходит очень

медленно, и в начале XXI века тут был найден так называемый «болотный человек», датируемый трехсотым годом до нашей эры. Это была девушка приблизительно семнадцати лет, с хорошо сохранившимися волосами, в платье и с золотым амулетом. Она получила название Брусничной девушки и находится в настоящий момент в экспозиции культурно-исторического музея города Карлстад.

Вокруг болота тянется беговая дорожка длиной около восьми километров. Кроме того, болото можно пересечь по деревянному настилу. В некоторых местах встречаются топи, поэтому посетителям не рекомендуется отклоняться от помеченных маршрутов. Ответственность за жизнь и безопасность лежит на самих посетителях.

– Помнишь, как откопали этот болотный труп? – спросил Лейф.

– Да, – ответила Майя с сомнением в голосе. – Что-то припоминаю.

– Тогда вокруг всего этого подняли страшную шумиху, но довольно быстро разговоры утихли.

Они двинулись в сторону леса. На расстоянии ста метров показалась сине-белая ленточка полицейского оцепления.

Лес расступился.

Майя остановилась. Перед ней простирались безмолвные просторы, волны пожелтевшей травы и мха под большим белым небом. Местами из этого растительного моря торчали тонкими руками низкие сосенки.

У Майи перехватило дух. Впечатление было колдовское.

– Боже мой, какая красота! – воскликнула она.

Лейф покосился на нее:

– Красота? Ну, можно и так сказать.

Они обсудили, какие необходимо сделать фотографии. Для начала – снять то место, где парень сошел с беговой дорожки. Затем – участок, где он был найден, в десяти метрах от дорожки на деревянных мостках, ведущих в болото. И еще несколько обзорных кадров.

– Никаких художеств, просто документальные снимки, Майя.

– Не думала, что ты видишь разницу, – сказала она.

– Конечно, вижу. Какого ты обо мне мнения? Я был на твоей последней выставке. Весной.

– Правда? И как она тебе?

– Давай об этом позже. А сейчас за работу.

Майя решила начать с тропинки. Там ничего особенного видно не было. Большое количество перепутанных следов, что и можно ожидать от беговой дорожки. Майя достала линейку, чтобы задать масштаб, и приложила ее к следам. Настраивая резкость для панорамной съемки, она заметила на заднем плане что-то блестящее.

– Там что-то лежит, – произнесла она и подошла к тому месту. Присев на корточки, Майя обнаружила в траве недалеко от дорожки две блестящие монеты в десять крон.

Лейф поспешил за ней. Надев перчатки, он подобрал монеты и начал их рассматривать. Монеты сияли в его руках.

– Молодец, Майя! – сказал он, аккуратно кладя монеты в пакет. – Как это мы их вчера не заметили?

Это место не выглядело таким девственным, как все вокруг. Следы от обуви виднелись намного отчетливее, часть деревьев и кустарников была поломана, в кустах были разбросаны ветки разной толщины. Места слома на деревьях выглядели довольно свежими.

– Поснимай здесь тоже, – попросил Лейф. – Вполне вероятно, что именно тут произошло само нападение.

Затем Майя и Лейф направились к болоту, к тому месту, где был найден потерпевший.

Они шли по деревянному настилу. Довольно устойчивая конструкция. Майя остановилась и огляделась.

Солнце снова зашло за тучу. Теперь болото не казалось таким дружелюбным. Где-то можно было пройти по земле, или по крайней мере прыгнуть по кочкам, на других было совсем топко. В отдельных местах растительность была совсем густой.

По другую сторону болота, наполовину скрытое соснами, виднелось огромное здание, похожее на дворец. «Должно быть, это усадьба Моссмаркен», – догадалась Майя.

Она осторожно сошла с мостков. Идти здесь было нелегко. Твердые высокие кочки, между ними мягкая влажная земля. Вдруг нога попала между двумя кочками. Майя успела увидеть, как болотная вода окружила голень, и почувствовать, как земля засосала ногу и потащила ее вниз.

– Черт! – Майя пошатнулась, выдернула ногу и вернулась на мостки.

– Осторожнее, – сказал Лейф.

– Да уж, это тебе… не игра, – согласилась Майя.

– Вот здесь он лежал, – показал Лейф.

Майя подошла ближе.

– Тут?

Лейф кивнул.

В том месте, где нашли парня, виднелось заполненное водой углубление во мху.

– Я думала, тут везде твердая земля, – сказала Майя.

– Наверное, это то, что называется зыбун, – объяснил Лейф. – Ковер из живых и мертвых растений, как бы плавающих на поверхности воды. Думаю, земля просела, пока парень тут лежал, и вода немного поднялась.

Майя начала фотографировать.

– Ничем не подкрепленное мнение, – произнесла она, щелкая камерой.

– Что?

– Обычно для этого явления используют слово «зыбун» в метафорическом значении. Ничем не подкрепленные взгляды. Не имеющие под собой твердой почвы. Необоснованные. Сейчас таких полно.

– А, понятно. Ну, бог его знает, – вздохнул Лейф.

– Ладно, что именно с ним произошло?

– Непонятно. Его нашла девушка из поместья, у парня обнаружены раны на голове, вероятно, нанесенные каким-то оружием. Больше мы ничего не знаем.

– Никто в округе ничего не заметил?

Лейф покачал головой.

– Никаких свидетелей, только девушка, которая его нашла. Ее зовут Натали Стрем.

– А как она его нашла, тоже совершала пробежку?

– Нет, не думаю. Она биолог или что-то в этом роде. Берет тут пробы, особо по окрестностям не перемещается. Она была с ним немного знакома. Он, по-

видимому, учится в одной из художественных школ.

– Вот оно как, – удивленно произнесла Майя и посмотрела поверх объектива. – Ну надо же. Может быть, я его знаю? Как его зовут?

– Юханнес. Юханнес Айеб.

Майя покачала головой.

– Никогда о таком не слышала.

Закончив работу, Майя захотела остаться еще ненадолго и поснимать для себя. Раз уж она все равно здесь, в этом особенном месте.

– У меня есть полчаса? – поинтересовалась она.

– Конечно, – ответил Лейф. – Только будь осторожна.

– Да, я читала, что написано на табличке.

Она продолжила путь по болоту, намереваясь сделать несколько эскизных снимков. Для себя Майя решила, что обязательно вернется сюда в свободный день со своей аналоговой среднеформатной камерой.

На болоте было так тихо и пустынно. Изредка то тут, то там раздавался легкий треск и слабое пощелкивание. Вот мимо пролетела сова, Майя узнала ее по скругленным краям крыльев.

Прошло минут десять, и Майя поняла, что скоро пора поворачивать назад. Она взобралась на возвышение, откуда было видно почти всю округу. С одной стороны была четко видна усадьба, с другой – какое-то крупное промышленное сооружение. Наверное, это старые торфяные разработки, о которых она слышала. Недалеко от этого огромного сооружения виднелось несколько небольших домиков, расположенных в ряд вдоль болота.

Ну вот, осталось сфотографировать маленькую сосенку, которая показалась Майе необычной. Она напоминала дерево бонсай: узловатые ветки и совершенно плоская крона. Надо только подойти чуть-чуть поближе.

Продолжая смотреть в объектив, Майя осторожно сошла с деревянного настила и медленно пошла, нащупывая ногами кочки. Здесь было немного суше, поэтому передвигаться оказалось легче. Но внезапно Майя споткнулась обо что-то, потеряла равновесие и упала прямо вместе со всем оборудованием.

«О нет. Почему нельзя было довольствоваться снимком с мостков?» – успела подумать Майя, прежде чем почувствовала, что промокла насквозь.

Значит, в этот день фотографий больше не будет.

2

Тук, тук, тук.

Натали приложила пальцы к виску. Она сидела у кровати Юханнеса в больнице Карлстада. Юханнес еще не приходил в себя.

Натали протянула руку и осторожно дотронулась кончиками пальцев до его руки. От респиратора ко рту тянулись шланги. Монотонный механический звук.

«Все это выглядит очень серьезно, – подумала она. – Нехорошо».

Медсестра, которую наполовину скрывала ширма, сидела и читала книгу. Она объяснила Натали, что следит за аппаратурой и за Юханнесом. Пациентов в его состоянии никогда не оставляют одних.

– Не обращайте на меня внимания, – подмигнула она Натали. – Как будто меня тут нет.

Через некоторое время Натали спустилась в буфет, купила газету и чашку кофе. Посидела за столиком, глядя в окно. Потом поднялась на лифте обратно в отделение.

Когда Натали вернулась, у кровати Юханнеса стояла женщина. По ее движениям было видно, что она не знает, куда себя деть.

Натали постояла в дверном проеме.

– Здравствуйте, – произнесла она наконец.

Женщина посмотрела на нее.

– Добрый день, – ответила она смущенно. – Это вы… Натали?

– Да, я.

– Меня зовут Мария, – сказала женщина и протянула руку. – Я мама Юханнеса. Он о вас рассказывал. – Рукопожатие оказалось на удивление крепким. – Я только сегодня утром узнала о том, что произошло.

– Я просидела тут всю ночь, так что он был не один, – ответила Натали. – Точнее, он и так не один, но…

Натали бросила взгляд в сторону медсестры, которая что-то записывала в журнал и, казалось, их не замечала.

– Он упал в болото, так ведь? – продолжала мама Юханнеса. – Во время пробежки? Он всегда бегает. Но как он мог упасть? Кто-то из полицейских сказал, что его, возможно, ударили. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Натали посмотрела на нее. Темные волосы собраны в хвост, одежда простая, но опрятная и к лицу.

– Мне известно не больше, чем вам.

– А ты хорошо знаешь Юханнеса? Вы вместе учитесь?

Натали помедлила с ответом.

– Мы только начали узнавать друг друга, можно так сказать, – она опустила глаза. – Я живу прямо рядом с болотом и… это я его нашла. Он был без сознания.

– Но что могло произойти? Я не понимаю. У него опухшая лодыжка. – Ее глаза заблестели, взгляд блуждал вокруг Натали, как будто желая за что-нибудь зацепиться.

– Наверное, об этом мы узнаем, только когда он очнется и сам все расскажет, – сказала Натали.

– Врач сказал, что ближайшие дни будут решающими, – произнесла мама и сглотнула. – Будет понятно, нужна ли операция. Если внутренний отек будет нарастать, придется… придется уменьшить давление. То есть… вскрыть череп.

Натали взяла Марию за руку, а та продолжала говорить:

– Похоже, задет тот участок мозга, который отвечает за регулирование сна и бодрствования, поэтому даже если не произойдет ухудшения, пройдет еще некоторое время, прежде чем он придет в сознание. Я так поняла.

Она отвернулась.

Натали чувствовала странное онемение. Как будто ее отключили от всего этого, как будто она никогда не имела никакого отношения к данной ситуации.

– Понятно, – произнесла она. – Значит, остается только ждать.

Натали встала, посмотрела на Юханнеса, потом на его маму.

– Я пойду. Мне просто не хотелось оставлять Юханнеса одного, но теперь, когда вы здесь…

Мария крепко обняла ее.

– Спасибо. Спасибо тебе, милая.

– Если это все затянется, я могу снова приехать и посидеть с ним, – предложила Натали. – И обязательно сообщите мне, если он очнется. Когда он очнется. У медсестер есть мой номер.

Она направилась к выходу, но в дверях обернулась.

– Кстати, – добавила она, понижая голос, – полиция забрала на экспертизу его спортивный костюм. И маленький пакетик… полный десяток. Золотых десяток. Штук сто точно.

Мама Юханнеса озадаченно посмотрела на Натали.

– Монеты лежали у него в кармане в тот момент, когда его нашли.

Дом, который Майя Линде купила в Фенгерскуге, выглядел старым и большим. Когда-то он был построен для размещения механической мастерской. В тридцатые годы там производили велосипеды, а начиная с восьмидесятых, когда производство прекратилось, разные владельцы пытались обосновать жилые помещения, по крайней мере в части здания.

Дом производил впечатление традиционной избы, правда, необычайно вместительной и высокой: красное деревянное строение в два этажа с большими резными окнами и белой надписью на фасаде: «Механическая мастерская С. Харальдсона».

Майя сама себе удивлялась. Она никогда бы не подумала, что снова поселится в своих родных краях. Майя выросла в Омоле, в двадцати километрах отсюда. А теперь ее отец серьезно заболел, и Майя не захотела оставлять маму одну. К тому же ее близкая подруга переехала в Фенгерскуг, как это сделали многие художники за последние годы.

В то время как все больше людей покидало Венерланд – так Майя называла земли на границе Дальсланда и Вермланда на северо-западном берегу озера Венерн, – маленький поселок Фенгерскуг плыл против течения. Школа ремесленного мастерства располагалась там уже несколько десятилетий, но в последние годы появились новые учебные заведения, благодаря которым жизнь в округе била ключом – иногда сутки напролет. Два года назад открылась прогрессивная Школа свободных искусств. Рядом с ней появились студенческие общежития и гостевые ателье, благодаря чему каждые полгода сюда стали приезжать новые художники, не только из Швеции, но и со всего мира.

Постепенно художественные учебные заведения получили в свое распоряжение расположенную неподалеку заброшенную бумажную фабрику, таким образом появились большие площади для проведения выставок, театральных представлений и прочих перформансов – в том числе вечеринок. Одно кафе здесь было уже давно, а теперь открылся еще бар и небольшой ресторан. Все больше учителей – и учеников – перебирались сюда жить. А художники, которые, как она, давно покинули родные края, начали возвращаться обратно, покупать тут дома и создавать семьи.

Художественные школы привлекали посетителей круглый год. На Рождество устраивалась ярмарка различных художественных промыслов, летом – спектакли, на Пасху – мастер-классы, а между всеми этими мероприятиями – выставки. По последним опросам Художественная школа была третьим по туристической привлекательности объектом в муниципальном округе.

За окнами стемнело, в комнате было жарко. Отблески от свечей и огня в камине метались по стене. Майя пригласила на ужин свою подругу Эллен, директора новой художественной школы, а также Оскара, приезжего художника, который жил в Фенгерскуге чуть больше месяца. Майя встречала его пару раз в баре на бывшей фабрике, и идея этого ужина возникла благодаря тому, что Оскар помогал Майе с переездом. Теперь, когда все коробки были занесены, а ужин съеден, Оскар и Эллен полулежали каждый на своем диване, а Майя растянулась на большом старом персидском ковре.

– Вы когда-нибудь были на болотах? – спросила Майя, глядя в потолок.

Оскар и Эллен повернулись к ней.

– Нет, – ответила Эллен. – Это ты вспомнила о том, что там произошло?

– Я сегодня там была. Впервые за сорок лет.

– А правда, что пострадавший – из художественной школы? – спросил Оскар, многозначительно посмотрев на Эллен.

– Правда, – ответила Эллен. – Ужасно, когда все это так близко. Наверное, в понедельник устроим в школе собрание, а то уже столько странных слухов ходит. Ты ведь по этому поводу там была?

Майя кивнула.

– Хотя сейчас я подумала немного о другом. Там такая… не то чтобы волшебная, но какая-то сильная энергетика. Я немного поснимала. Просто для себя.

– Можно посмотреть? – поинтересовался Оскар.

– Пока это только эскизы. Может, потом, – сказала Майя. – А что, никто из учеников не ходил туда писать этюды?

– Насколько я знаю, нет. Кстати, это отличная идея, Майя, – одобрила Эллен. – У живописцев как раз в осеннем семестре подвисает один блок, можно было бы предложить какую-нибудь работу на тему природы.

В ту же минуту Майя пожалела, что заговорила о болоте. Меньше всего ей хотелось увидеть там толпы начинающих художников.

Вино вскоре кончилось, Эллен перешла к рассказу о том, как она по ошибке встретила своего будущего, а теперь уже бывшего мужа в Нью-Йорке.

– Точнее, это была ошибка со стороны Майи, – пояснила Эллен Оскару. – Мы с моим бывшим приехали к Майе в гости в Нью-Йорк в одно и то же время. Мы с ним тогда вообще не были знакомы. А Майя умудрилась пригласить его на ту же неделю, что и меня. А сама при этом оказалась жутко занята.

– Понятно. Ну и чем все закончилось? – поинтересовался Оскар.

– Короче говоря, у Майи на нас совсем не было времени, так что даже хорошо, что мы с ним оказались вместе, – сказала Эллен, бросая на Майю обиженный взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Анн Йедерлунд (род. 1955) – шведская поэтесса и драматург (прим. ред.).

Купить: https://tellnovel.com/yansson_syuzanna/zapretnoe-mesto

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити